

Один из самых многообещающих голосов в современной литературе на испанском языке. Эту писательницу ждет блестящее будущее.

МАРИО ВАРГАС ЛЬОСА

САМАНТА
ШВЕБЛИН

ДИСТАНЦИЯ СПАСЕНИЯ

CoRpus

Саманта Швеблин

Дистанция спасения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34716210

Дистанция спасения : роман / Саманта Швеблин; пер. с исп. Н.

Богомоловой: АСТ : CORPUS; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-106161-6

Аннотация

Героиня книги снимает дом в сельской местности, чтобы провести там отпуск вместе с маленькой дочкой. Однако вокруг них сразу же начинают происходить странные и загадочные события. Предполагаемая идиллия оборачивается кошмаром. В этой истории много невероятного, непостижимого и недосказанного, как в лучших латиноамериканских романах, где фантастика накрепко сплавляется с реальностью, почти не оставляя зазора для проверки здравым смыслом и житейской логикой. Автор с потрясающим мастерством сочетает тонкий психологический анализ с предельным эмоциональным напряжением, но не спешит дать ответы на главные вопросы. В поиске этих ответов особая роль отводится читателям – за ними последнее слово.

Саманта Швеблин (1978) – аргентинская писательница, первые книги ее рассказов сразу привлекли к ней внимание публики и критиков и принесли несколько литературных

премий. Британский журнал *Granta* назвал Швоблин в числе лучших молодых прозаиков, пишущих на испанском языке. Книга “Дистанция спасения” вошла в шорт-лист Международной букеровской премии и уже переведена на многие языки.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Саманта Швоблин

Дистанция спасения

Моей сестре Памеле

В первый раз за долгое время она опустила глаза и посмотрела на свои руки. Если и с вами когда-нибудь такое случилось, вы поймете, о чем я говорю.

Джесси Болл Комендантский час

Samanta Sweblin
Distancia de rescate

Перевод с испанского Натальи Богомоловой
Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Samanta Sweblin, 2014

© Patrice Ganda, иллюстрации на обложке

© Н. Богомолова, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2018

© ООО “Издательство АСТ”, 2018 Издательство
CORPUS ®

Они похожи на червей.

На каких именно червей? *Просто на червей, потому что они повсюду.*

Это говорит мальчик, вернее, шепчет мне на ухо, а вопросы ему задаю я.

Они, эти черви, внутри, в теле?

Да, в теле.

Земляные черви?

Нет, совсем другие.

Вокруг темно, и я ничего не вижу. Простыни жесткие, они сбиваются подо мной в складки. Не могу даже пошевелиться, говорю я.

Это из-за червей. Надо набраться терпения и ждать. А тем временем давай попробуем отыскать точное место, где появляются черви.

Зачем?

Это очень важно, для всех важно.

Я пытаюсь кивнуть, но тело меня не слушается. Мальчик спрашивает:

А что еще происходит в саду, там, у твоего дома? Я тоже в саду?

Нет, тебя там нет, а вот Карла, твоя мама, она там. Я познакомилась с ней несколько дней назад, когда мы только-только поселились в этом доме.

Что делает Карла?

Допивает свой кофе и ставит чашку на траву рядом с шезлонгом.

А потом?

Встает и уходит, правда, забывает надеть шлепанцы, они так и остаются на лесенке у бассейна, но я ничего ей про шлепанцы не говорю.

Почему?

Хочу посмотреть, что она собирается делать.

Ну и что она делает?

Вешает сумку на плечо и направляется к машине прямо в своем золотистом купальнике. Нас с твоей матерью как-то сразу потянуло друг к другу, правда, иногда случаются короткие вспышки взаимной неприязни, у меня точно случаются, но такого рода перемены настроения зависят от конкретной ситуации. Скажи, а ты уверен, что мне так уж надо непременно останавливаться на мелких деталях? Разве у нас есть на это время?

Детали, они очень важны. А как вы с Карлой оказались в саду?

Мы только что вернулись с озера, но твоя мама наотрез отказалась зайти к нам в дом.

Она не хочет причинять тебе лишнего беспокойства.

А что она, интересно знать, называет беспокойством? Зато теперь мне приходится бегать туда-сюда – сначала за лимонадом, потом за кремом от солнца. Вряд ли это значит не причинять мне лишнего беспокойства.

Скажи, зачем вы ездили на озеро?

Она хотела, чтобы я поучила ее водить машину, сказала,

что с давних пор мечтает сесть за руль, но, когда мы оказались у озера, ни у нее, ни у меня не хватило на урок терпения.

Что она сейчас делает в саду?

Открывает дверцу моей машины, садится за руль и что-то ищет у себя в сумке. Я приподнимаюсь с шезлонга, спускаю ноги на траву и жду. Слишком жарко. Потом Карле надоедает рыться в сумке, и она обеими руками берется за руль. Так и сидит какое-то время, глядя на ворота, а может, куда-то за ворота – например, на свой дом, который стоит чуть дальше.

А еще что? Почему ты замолчала?

Знаешь, я как-то вязну в этом рассказе, и, хотя все прекрасно вижу, иногда мне бывает трудно продвигаться вперед. Скажи, это из-за лекарства, которое вкалывают мне сестры?

Нет.

Но ведь я умру через несколько часов, правда, умру? Странно только, что я так спокойна. И хотя ты ничего мне про это не говоришь, я все равно все понимаю, но только вот признаться себе самой в чем-то таком совершенно невыносимо.

Все это не важно. Мы только зря теряем время.

Но ведь это правда, да? Правда, что я умру?

Что еще происходит в саду?

Карла опускает голову на руль, ее плечи едва заметно вздрагивают, она плачет. А как ты думаешь, мы сумеем отыскать точное место, где появляются черви?

Продолжай и не упускай ни одной детали.

Карла не издает ни звука, но я уже не могу оставаться на прежнем месте. Встаю и иду к ней. Карла понравилась мне сразу, в тот самый день, когда я впервые увидела ее. Она несла два пластмассовых ведра под палящим солнцем. На ней был рабочий джинсовый комбинезон. Рыжие волосы собраны в большой пучок. Со времен своей юности я ни у кого не встречала такой прически. Я первая предложила ей лимонада, а потом, на следующее утро, пригласила выпить со мной мате – и на следующее тоже, и еще на следующее. Скажи, это важные детали?

Точное место, оно наверняка таится в одной из деталей, будь очень внимательна и ничего не упускай.

Я иду по саду. Огибаю бассейн и через большое окно заглядываю в столовую. И вижу, что Нина, моя дочка, по-прежнему спит в обнимку с большим плюшевым кротом. Потом я сажусь в машину, с другой стороны, рядом с водительским местом. Но дверцу оставляю открытой, да еще опускаю стекло, потому что внутри тоже очень жарко. Пучок на голове у Карлы слегка перекосялся и съехал набок. Почувствовав, что я в машине, опять рядом с ней, Карла откидывается на спинку кресла и смотрит на меня. – Если я расскажу тебе об этом, – говорит она, – ты больше не захочешь со мной знаться.

Я раздумываю, как ей ответить: может, отделаться какой-нибудь пустой фразой, вроде “Перестань, Карла, ради

бога, перестань, это ведь просто смешно”, – но не говорю ничего и смотрю на ее ступни, крепко стоящие на педалях. Смотрю на пальцы ног, на длинные ноги, на тонкие, но сильные руки. Меня смущает и удивляет мысль, что женщина, которая на десять лет старше меня, выглядит гораздо лучше, чем я.

– Если я расскажу тебе об этом, – говорит она, – ты не позволишь ему играть с Ниной.

– Карла, ради бога, с чего ты взяла, что я не позволю им играть вместе?

– Не захочешь, Аманда, – повторяет она, и глаза ее наполняются слезами.

– Как его зовут?

– Давид.

– Он твой? Твой сын?

Она кивает. Ее сын – это ты, Давид.

Знаю, продолжай.

Она вытирает слезы косточками пальцев, позвякивая при этом своими золотыми браслетами. Я никогда не видела тебя, Давид, но, когда в разговоре с сеньором Хесером, агентом по недвижимости, у которого мы сняли дом на время отпуска, я обмолвилась, что часто встречаюсь с Карлой, он тут же спросил, познакомилась ли я уже и с тобой тоже. Карла сказала:

– Раньше он был моим. Теперь – нет.

Я посмотрела на нее растерянно.

– Больше он мне не принадлежит.

– Карла, сын – это на всю жизнь.

– Нет, дорогая.

У Карлы длинные ногти. Вдруг она взмахивает рукой на уровне глаз, словно показывая на что-то.

Я тотчас вспоминаю про сигареты мужа, открываю бардачок и протягиваю ей пачку вместе с зажигалкой. Она почти выхватывает сигареты у меня из рук, и аромат ее крема от солнца успеваает колыхнуться между нами.

– Когда Давид родился, он был похож на солнышко.

– Кто бы сомневался! – говорю я и сразу прикусываю язык, поняв, что до поры до времени мне лучше помалкивать.

– Когда мне в первый раз дали его подержать, я ужасно расстроилась. Мне втемяшилось в голову, что у него нет одного пальца на руке. – При этом воспоминании она улыбается, сжав сигарету губами, потом закуривает. – Но медсестра объяснила, что такое случается после наркоза – человеку запросто может что-то пригрезиться. И пока я дважды не пересчитала все его десять пальчиков, не поверила, что они у него в порядке. А вот теперь я что угодно отдала бы за то, чтобы проблема свелась к тому, что у Давида всего лишь недостает одного пальца.

– А что с ним такое?

– Он был похож на солнышко, Аманда, правда, на самое настоящее солнышко. Целый день улыбался. А больше всего

ему нравилось, когда мы отправлялись куда-нибудь гулять. И еще страшно любил площадь в поселке, до безумия любил, даже когда был еще совсем крошкой. Ты сама уже видела, что с коляской здесь у нас проехать немислимо. По поселку – легко, но отсюда до площади надо идти мимо ферм и всяких придорожных развалюх – грязь по колено, но ему так нравилось бывать в поселке, что я до трех лет таскала его туда на закорках, а это целых двенадцать квадр¹. Когда он видел горку, начинал визжать от счастья. Господи, ну где же в этой машине пепельница?

Она под панелью. Я вытащила пепельницу и дала ей.

– Тогда-то Давид и заболел, примерно шесть лет тому назад. Время было для нас непростое. Я только что пошла работать на ферму к Сотомайору. В первый раз в жизни устроилась на работу. Мне было поручено вести у него бухгалтерию, хотя, если честно, никакой бухгалтерией там и не пахло. В основном я приводила в порядок всякие бумаги, ну и помогала что-то подсчитывать, однако работа была для меня еще и своего рода развлечением. К тому же приходилось часто бывать в поселке, решать там разные вопросы, а значит, появлялся повод принарядиться. Ты-то приехала из столицы, у вас в большом городе все по-другому, а здесь для наведения красоты нужен повод, вот работа мне его и давала.

– А твой муж?

¹ *Квадра* – в Аргентине так называют отрезок улицы между двумя перекрестками. (Здесь и далее – прим, перев.)

– Омар разводил лошадей. Да, ты не ослышалась, он занимался разведением лошадей. Но тогда Омар был совсем другим.

– Кажется, я его видела, когда мы выходили с Ниной погулять. Он проехал мимо на пикапе, я поздоровалась, а он не ответил.

– Ничего удивительного, теперь Омар стал таким, – сказала Карла, мотнув головой. – Когда мы с ним познакомились, он еще улыбался – и разводил скаковых лошадей. Держал их на другом конце поселка, за озером, но, когда я забеременела, он все свое хозяйство перевел сюда. Здешний дом принадлежал моим старикам. Омар обещал, что, если ему привалит удача, денег у нас будет полным-полно, и тогда мы отремонтируем и даже перестроим наш дом. А я, знаешь, о чем мечтала? Постелить на пол ковры. Да, смех один, конечно, если вспомнить, где мы живем... У Омара были две прекрасные кобылы, от них родились Тристеса Кейт и Гамуса Фина, но их он к тому времени уже продал, они участвовали в скачках, да и до сих пор участвуют – то в Палермо, то в Сан-Исидро. Потом родились еще две кобылки и один жеребчик, но как звали этих, хоть убей, не помню. Чтобы наладить такой бизнес, надо иметь хорошего жеребца-производителя, и Омар умудрялся арендовать на время самого лучшего. Часть нашего участка он отгородил для кобыл, сзади сделал загон для жеребят, посеял люцерну и только потом, уже со спокойным сердцем, взялся строить конюшню. Договор был такой: ему,

по его просьбе, на два-три дня отдавали вроде как в аренду производителя. А когда приходило время продавать жеребят, четверть вырученных денег доставалась хозяину коня. Сумма получалась очень серьезная, потому что, если производитель хороший и за жеребятами ухаживают как следует, каждый будет стоить от двухсот тысяч песо до двухсот пятидесяти. Ну вот, взяли мы как-то к себе этого расчудесного коня. Омар, само собой, целый день глаз с него не спускал, ходил следом как зомби, чтобы успеть посчитать, сколько раз тот покроет каждую кобылу. Муж никуда из дому не отлучался, ждал, пока я вернусь со своей работы у Сотомайора, и тогда наступала моя очередь приглядывать за жеребцом. Я из кухни то и дело посматривала в окно, проверяла, там он или нет. Так вот, мыла я как-то днем посуду, и вдруг что-то меня словно кольнуло: а ведь жеребца-то уж какое-то время не видно. Кинулась к другому окну, потом к тому, откуда участок за домом как на ладони, – нигде нет. Кобылы на месте, а жеребца точно черт унес. Хватаю на руки Давида – а он только-только ходить как следует научился и все старался не отставать от меня: куда я, туда и он – и выбегаю во двор. Тут долго гадать не приходится: конь, он или есть, или его нет. Нашему, судя по всему, что-то в башку взбрело, вот он и перемахнул через ограду. Странно, конечно, но иногда и такое случается. Пошла я к конюшне, молясь Богу, чтобы конь туда забрел, однако и в конюшне его не нашла. Тут я подумала про ручей – он у нас совсем маленький, но если чуть пони-

же спуститься, конь напиться сможет, а отсюда его видно не будет. Помню, Давид все спрашивал, что такое да что такое, но я посадила его к себе на закорки – и бегом. Сынок крепко обнял меня за шею, и голосок у него то и дело срывался, потому что я как бешеная носилась туда-сюда. Вдруг Давид как закричит: “Мама, вон он”. И вправду жеребец стоял там, у ручья, и пил воду. Теперь-то Давид меня мамой больше не называет. Ну вот, спустились мы пониже, и Давид попросил, чтобы я его на землю поставила. Я велела к коню близко не подходить. А сама стала потихоньку, мелкими-мелкими шажочками к нему подбираться. Жеребец сперва пятился от меня, но мне терпения не занимать, и скоро он уже вроде бы перестал дичиться. Наконец удалось-таки схватить его за повод. Вот счастье-то! До сих пор прекрасно помню, как у меня от сердца отлегло и я вслух сказала: “Если бы я тебя потеряла, сукин ты сын, все равно что потеряла бы свой дом!” Знаешь, Аманда, это можно было сравнить с тем, как я подумала, что у Давида не хватает одного пальчика на руке. Говорят же: “Нет ничего хуже, чем свой дом потерять”. Но потом, когда случаются вещи пострашнее, рада была бы не только дом, но и жизнь свою отдать, лишь бы повернуть время вспять и попасть опять в то самое мгновение – чтобы бросить повод проклятого коня.

Я слышу, как в нашем доме хлопнула дверь, затянутая москитной сеткой, и мы с Карлой разом поворачиваем головы в ту сторону. На пороге стоит Нина со своим кротом. Она

еще не до конца проснулась и, наверное, только поэтому не испугалась, когда сразу нас с Карлой не обнаружила. Нина делает несколько шагов, так и не расставаясь с кротом, цепляется за перила и очень старательно одолевает три ступени, которые отделяют галерею от травы. Карла снова откидывается на спинку сиденья и наблюдает за ней через зеркало заднего вида, но при этом не произносит ни слова. Нина смотрит на свои ноги. После нашего приезда сюда у нее появилась новая забава – она пытается ухватить траву пальцами ног, сперва растопыривая их, а потом сжимая.

– Давид присел на корточки прямо в ручье, так что тапочки у него промокли насквозь, а еще он успел обмакнуть руки в воду и теперь облизывал пальцы. И тут я увидела мертвую птицу. Она лежала совсем рядом с Давидом, буквально в шаге от него, не больше. Я крикнула, чтобы он немедленно вставал, сын тоже испугался, быстро поднялся на ноги, но от страха тут же плюхнулся попкой в воду. Бедный мой Давид. Я подошла к нему, потянув коня за повод, тот ржал и идти за мной не желал, я же старалась изловчиться, чтобы подхватить сына одной рукой, а потом, сражаясь с обоими, с конем и ребенком, еще и вскарабкаться вверх по склону. Омару я ни о чем рассказывать не стала. Зачем? Что было, то прошло, и теперь все в порядке. Но только вот конь на следующее утро не смог подняться. “А жеребца-то нет, – поначалу сказал Омар, – удрал, видно”. И я чуть не призналась, что накануне конь тоже убежал, но тут Омар увидел, что тот лежит

на выпасе. “Фу-ты, черт”, – только и сказал Омар. У жеребца веки распухли так, что не было видно глаз. Губы, ноздри – вся морда – тоже сильно распухли, настолько, что он стал похож на какое-то другое животное, вернее, на какое-то чудовище. Сил у него совсем не осталось, только и мог что жалобно стонать, а Омар сказал, что сердце у коня колотится как локомотив. Он велел срочно вызвать ветеринара. Тут уж и кто-то из соседей прибежал, все страшно переполошились, суетились, носились туда-сюда, а я почувствовала такое отчаяние, что и сказать нельзя. Вернулась в дом, схватила на руки Давида, хотя он еще спал в своей кровати, заперлась у себя в комнате, легла с ним на постель, прижала сына к себе и начала молиться. Молилась я как безумная, как никогда в жизни не молилась. Ты, наверное, удивляешься, почему я сразу не кинулась за помощью, вместо того чтобы запираяться в спальне, но ведь порой человек просто не успевает осознать всю глубину катастрофы. Чем бы ни отравился конь, тем же самым наверняка отравился и мой Давид, и если конь умирает, Давида тоже не спасти. Я это знала, потому что и прежде понаслушалась и понагляделась много всякого-разного в нашем поселке. Короче, времени у меня оставалось совсем мало – несколько часов, а то и несколько минут, – чтобы принять решение. А сельский доктор? Да когда бы он к нам явился, этот доктор, если и на службу в пункт скорой помощи редко вовремя приходит? Надо было срочно найти кого-то, кто спасет жизнь моему ребенку, любой ценой спа-

сет ему жизнь.

Я по-прежнему наблюдала за Ниной, теперь она сделала несколько шагов в сторону бассейна.

– Понимаешь, Аманда, иногда уследить за всем сразу никак невозможно. Сама не знаю, как я могла так сплеховать и какого черта занималась этим сволочным конем, вместо того чтобы глаз не спускать со своего мальчика.

Я сразу задумываюсь: а могло ли со мной случиться то же самое, что случилось с Карлой? Вообще-то мне всегда лезет в голову самое худшее. Вот и сейчас я подсчитываю в уме, сколько времени понадобится, чтобы добежать от машины до Нины, если она вдруг кинется к бассейну и свалится в воду. Я называю это “дистанция спасения”, да, именно так я называю то расстояние, всегда разное, которое отделяет меня от дочки, и порой полдня провожу, прикидывая его, хотя на самом деле нередко веду себя более чем легкомысленно.

– Когда я решила наконец, как мне следует поступить, пути назад уже не было. Чем больше я думала, тем больше убеждалась, что есть только одно-единственное средство. Я взяла на руки Давида, который плакал, наверное, из-за того, что видел, в каком я жутком состоянии, и выбежала из дому. Омар и еще пара мужчин стояли вокруг коня и о чем-то спорили. Омар то и дело хватался руками за голову. Двое соседей следили за происходящим издали, с участка, расположенного сразу за нашим, и время от времени тоже встречали в разговор и давали какие-то советы. На нас никто не

обратил внимания. Я оказалась на улице, – сказала Карла, махнув рукой куда-то в конец сада, в сторону ворот, – и помчалась к зеленому дому.

– К какому еще зеленому дому?

Последняя палочка пепла падает в ложбинку на груди Карлы, и она ловко сдувает ее, а потом тяжело вздыхает. Кажется, мне придется устроить в салоне основательную уборку, так как мой муж терпеть не может таких вещей.

– Все мы, местные, иногда туда навещаемся, потому что знаем, что эти наши врачи, которых надо вызывать через пункт скорой помощи, как правило, являются только несколько часов спустя, к тому же они мало что понимают и, как правило, ничем не способны помочь больным. Если случается что-то серьезное, мы идем к “женщине из зеленого дома”, – говорит Карла.

Нина укладывает своего крота на мой шезлонг поверх пляжного полотенца. Потом делает еще несколько шагов в сторону бассейна, и я сразу напрягаюсь, готовая лететь ей на выручку. Карла тоже смотрит на Нину, но ей ситуация совсем не кажется опасной. Нина садится на корточки, потом устраивается на бортике бассейна и опускает ноги в воду

– Та женщина всякий раз всем объясняет, что она никакая не знахарка и не колдунья, просто умеет распознавать энергию, которую излучает каждый человек, и умеет по ней читать.

– Что значит “по ней читать”?

– Это значит, что она может определить, болен человек или нет, и увидеть, в какой именно части тела таится негативная энергия. Она лечит головную боль, тошноту, бородавки и кровавую рвоту. И если обратиться к ней вовремя, не даст случиться выкидышу.

– А что, тут часто бывают выкидыши?

– По ее словам, все в человеке зависит от энергии.

– Моя бабушка тоже всегда так говорила.

– Понимаешь, она умеет найти место скопления энергии и заблокировать ее, если энергия отрицательная, а положительную, наоборот, заставить работать в полную силу. Здесь, в поселке, к ней очень часто обращаются, иногда приезжают люди даже откуда-нибудь издалека. Ее собственные дети живут в доме, который стоит позади главного. Их у нее семеро, все мальчики. Они заботятся о ней, обо всем, что ей нужно, но, по слухам, сами никогда в главный дом не заходят. Хочешь, пойдем туда, к Нине, поближе к бассейну?

– Нет, не беспокойся.

– Нина! – зовет ее Карла, и только тогда моя дочка замечает, что мы сидим в машине.

Нина улыбается, у нее чудная улыбка, на щеках ямочки, и, улыбаясь, она чуть-чуть морщит нос. Девочка встает, берет с шезлонга крота и бежит к нам. Карла выгибает спину, чтобы открыть ей заднюю дверцу. И ведет себя на водительском месте так естественно, что трудно поверить, будто сегодня она села в эту машину впервые.

– Только я не могу не курить, Аманда, понимаю, что это вредно для ребенка, но мне нужна еще хотя бы одна сигарета, без сигареты я не сумею рассказать тебе все до конца.

Я беспечно машу рукой и протягиваю Карле пачку:

– Просто выдыхай дым наружу.

Тем временем Нина залезает на заднее сиденье.

– Мамочка.

– Что, пончик? – спрашивает Карла, но Нина ее как будто не замечает.

– Мамочка, а когда мы откроем коробку с чупа-чупсами?

Она сразу застегивает ремень, как учил ее отец.

– Потерпи немножко.

– О'кей, – говорит Нина.

– О'кей, – говорит Карла, и только сейчас до меня вдруг доходит, что по ходу ее рассказа из него постепенно исчезает изначальная трагичность. Карла больше не плачет и не опускает голову на руль. Она просто рассказывает о тех событиях и при этом легко отвлекается то на одно, то на другое, словно у нее впереди сколько угодно времени и ей доставляет удовольствие снова возвращаться в прошлое. А у меня тут же возникает вопрос: неужели ты, Давид, и на самом деле так переменялся, что Карла, описывая в невесть который раз все, что случилось тогда, уже не видит перед собой того, совсем другого, мальчика, по которому она, по ее словам, так тоскует.

– Едва женщина открыла мне дверь, – продолжает Кар-

ла, – я передала Давида ей на руки. Но такие люди, они ведь не только владеют тайным знанием, они еще и очень благо-разумны, очень осторожны, поэтому она поставила Давида на пол, а мне дала стакан воды и ни за что не хотела начи-нать разговор, пока я хоть немного не успокоюсь. Вода по-могла, я вроде бы пришла в себя, и, честно признаюсь, на миг даже поверила, что страхи мои – чистое безумие, и еще я подумала, что у болезни нашего жеребца могли быть и дру-гие причины. Женщина между тем внимательно наблюдала за Давидом, пока тот играл, выстраивая в ряд безделушки, которые стояли на столике для телевизора. Потом она подо-шла к нему и несколько минут с ним поиграла. Но не пере-ставала исподтишка очень внимательно его изучать, а иногда опускала руку ему на плечи или брала за подбородок, чтобы удобнее было заглянуть в глаза. “Конь уже умер”, – сказала женщина, хотя я до тех пор ни словом о коне не упомянула, чем хочешь могу поклясться. Потом она сказала, что у Дави-да есть еще несколько часов, ну, может, даже сутки, но скоро ему понадобится респираторная терапия. “Это отравление, – сказала она, – и оно затронет сердце”. Я смотрела на нее – не помню, когда еще я была в таком состоянии, вся словно оцепенела, и ни звука не могла из себя выдавить. Потом жен-щина сказала ужасную вещь. Наверное, лучше бы мне сооб-щили, что мой ребенок умрет.

– А что она сказала? – вдруг спросила Нина.

– Поди-ка, открой свои чупа-чупсы сама, – встрепенулась

я.

Нина расстегивает ремень, берет крота и со всех ног мчится к дому

– Она сказала, что тело Давида не выдержит интоксикации, что он умрет, но мы можем попытаться прибегнуть к переселению.

– К переселению?

Карла погасила сигарету, не докурив до конца, и ее рука безвольно повисла, как будто курение лишило ее последних сил.

– Если мы успеем переселить дух Давида в другое тело, тогда и часть яда тоже уйдет с ним туда же. Яд разделится между двумя телами, и это даст шанс справиться с отравлением. Средство не очень надежное, но иногда срабатывает.

– Что значит – иногда срабатывает? Она уже и раньше делала что-то подобное?

– Это был единственный способ спасти Давида. Женщина протянула мне чай и велела выпить не торопясь – он, мол, поможет принять решение, но я выпила его в два глотка. И никак не могла усвоить разумом то, что от нее услышала. В голове спутались в один клубок два чувства – вины и ужаса, меня всю с головы до ног била дрожь.

– Но неужели ты веришь в такие вещи?

– И тут Давид споткнулся, или мне только показалось, что он споткнулся, во всяком случае, он упал и не сразу сумел подняться. Я видела сына со спины, на нем была его люби-

мая футболка с маленькими солдатиками. Чтобы встать, он помогал себе руками. Но движения его были неуклюжими и какими-то бестолковыми, это напоминало то, как он двигался много месяцев назад, когда только учился самостоятельно подниматься на ноги. Но сейчас ему незачем было опираться на руки, и я поняла, что кошмар начинается. Давид обернулся, брови у него были нахмурены, а на лице появилось странное выражение, вроде как страдальческое. Я бросилась к нему и прижала к себе. Прижала с такой силой, Аманда, с такой силой, что мне казалось, никто и ничто на свете не сможет вырвать сына из моих рук. Я слышала, как он дышит – совсем рядом с моим ухом, – но и дыхание было неровным. Женщина разлучила нас мягко, но решительно. Теперь Давид сидел в кресле, откинувшись на спинку, он начал тереть глаза, потом – рот. “Надо сделать это поскорее”, – сказала женщина. Тогда я спросила, куда отправится Давид, то есть душа Давида, и можно ли будет оставить его где-нибудь поближе к нам и выбрать для него хорошую семью.

– Что-то я не очень тебя понимаю, Карла.

– Все ты понимаешь, Аманда, отлично понимаешь.

Мне хочется сказать Карле, что это дикость и варварство.

Это твое личное мнение. И сейчас оно не имеет никакого значения.

Понимаешь, я не могу поверить во всю эту историю, но пока не нахожу подходящего момента, чтобы перебить ее и выплеснуть свое возмущение.

– Женщина сказала, что выбрать семью для Давида она не может, – сказала Карла, – и вообще, узнать, куда он отправится, никак нельзя. А еще она сказала, что переселение будет иметь свои последствия. В одном-единственном теле нет места для двух душ, но ведь не бывает и тела без души. Во время переселения душа Давида попадет в здоровое тело, а в больное переместится чья-то чужая. И от каждого некая часть останется в прежнем теле, однако и тот и другой изменятся, и мне надо подготовиться к тому, чтобы признать его новое воплощение.

– Его новое воплощение?

– Пойми, Аманда, мне было очень важно узнать, куда он уйдет. А она твердила свое: нет, лучше об этом даже не думать. Главное – освободить Давида от больного тела. А еще я должна была усвоить, что, даже когда в этом теле уже не будет больше моего Давида, я по-прежнему буду за него в ответе, как бы ни повернулась ситуация. И мне пришлось принять такие условия.

– Но ведь Давид...

– Пока я судорожно прокручивала в голове все, что от нее услышала, Давид снова подошел и обнял меня. Глаза у него распухли, веки покраснели и набрякли – совсем как у коня. Слезы просто катились у него из глаз, но моргнуть он не мог. Да и громко плакать тоже не мог. Он ослабел и казался страшно напуганным. Я поцеловала сына в лоб и сразу почувствовала, что у него жар, что он просто пылает. Пылает,

Аманда. И в этот миг мой сын, наверное, уже видел ангелов.

Карла сидит вцепившись в руль и смотрит на ворота. В этот миг она снова теряет тебя, Давид: счастливая часть истории закончилась. Когда мы с ней познакомились, а было это всего несколько дней назад, я сперва подумала, что она, как и я, сняла здесь дом на время, пока ее муж работает где-то поблизости.

А почему ты решила, что она тоже неместная?

Пожалуй, у меня сложилось такое впечатление, потому что она выглядела очень нарядной в своих ярких блузках, а волосы собирала в большой пучок... И вообще очень располагала к себе. Короче, разительно отличалась ото всех, кто ее окружал. И вот теперь я с тревогой видела, что она снова принимается плакать, а еще я поняла, что она не намерена выходить из машины, а Нина между тем одна разгуливает по дому. Надо было сказать Нине, чтобы взяла чупа-чупс и сразу возвращалась к нам. Хотя нет, лучше держать ее отсюда подальше, эта история совсем не для детских ушей.

– Карла... – начинаю я.

– И тогда я сказала ей “да”, пусть она сделает это. Сказала, что мы просто обязаны сделать все, что нужно. Женщина ответила, что нам надо перейти в другую комнату. Я подняла Давида, и он, почти теряя сознание, припал к моему плечу. Он был таким горячим и таким опухшим, что руки мои его не узнавали. Женщина открыла дверь – последнюю по коридору. Потом знаком велела мне обождать на пороге,

а сама вошла внутрь. В комнате было темно, и я скорее догадывалась, чем видела, чем она там занимается. Женщина поставила в центре большой низкий таз. Послышался шум воды, которую она сначала налила в ведро, и уже из ведра наполнила таз. Потом направилась на кухню, прошла мимо нас очень сосредоточенная, а миновав половину пути, обернулась и пару секунд глядела на Давида, глядела на тело Давида, словно хотела запечатлеть в памяти его очертания или, возможно, размеры. Вернулась она с большим клубком сизаль² и ручным вентилятором и снова исчезла в темной комнате. Давид весь пылал – он стал таким горячим, что, когда она забрала его, шея и грудь у меня были мокрые. Женщина проделала все очень быстро – ее руки вынырнули из мрака и снова там растворились, но уже вместе с Давидом. Это был последний раз, когда я держала сына на руках. Женщина снова вышла, уже без него, отвела меня на кухню и опять налила чаю. Сказала, что я должна ждать там. И добавила: если я двинусь с места, то могу невольно сдвинуть что-то мне неведомое. То, что ни в коем случае не должно сдвигаться. Во время процесса переселения, сказала она, в движение должно приходить только то, что приготовлено к отбытию. И тогда я схватила чашку чаю, откинула голову назад и уперлась затылком в стенку. Женщина ушла по коридору, больше ничего не сказав. Давид ни разу меня не позвал, я не слышала, чтобы он произнес хоть слово или заплакал. Вскоре, где-

² Сизаль – волокно агавы.

то минуты через две, я услышала, как закрылась дверь той комнаты. Прямо передо мной на кухонной полке стояла фотография в большой рамке, и все это время оттуда на меня смотрели семь сыновей женщины, уже совсем взрослых. На снимке они были по пояс голые, покрасневшие от солнца, и еще они улыбались, чуть наклоняясь над своими граблями, а за их спиной лежало большое поле, где только что срезали сою. Так я просидела очень долго, не шелохнувшись, просто сидела и ждала. Думаю, часа два, не меньше, и ни разу не оторвала затылка от стенки и не сделала ни глотка из чашки с чаем.

– А ты что-нибудь слышала за это время?

– Нет, ничего. Только как открылась дверь, когда все уже было закончено. Я резко выпрямилась, отодвинула чашку в сторону, но тела своего не чувствовала, оно словно одеревенело, и я не могла заставить себя встать. Да и вообще не знала, что мне теперь позволено, а что нет. Я услышала ее шаги, которые уже без труда узнавала, и больше ничего. Шаги остановились где-то на полпути, но мне все еще не было ее видно. И тогда она позвала: “Пойдем, Давид, я отведу тебя к маме”. А я ухватилась обеими руками за край стула, потому что не хотела видеть его, Аманда. Мне хотелось убежать. Отчаянно хотелось убежать. Я даже стала быстро прикидывать, успею ли добраться до входной двери, прежде чем они дойдут до кухни. Но на самом деле не могла и шевельнуться. И тут я услышала его шаги, очень легкие шаги по деревянно-

му полу. Мелкие и неуверенные, совсем не похожие на шаги моего Давида. Четыре-пять шажков – и он останавливался, и тогда ее шаги тоже затихали словно в ожидании. Они уже почти дошли до кухни. Его маленькая ручка, испачканная то ли грязью, успевшей высохнуть, то ли пылью, тыкалась в стену в поисках опоры. Мы посмотрели друг на друга, но я сразу отвела глаза. Женщина подтолкнула его ко мне, и он сделал еще несколько шагов, очень неуклюжих, а потом быстро схватился за стол. Кажется, все это время я не дышала. А когда снова смогла вдохнуть и когда он сделал шаг в мою сторону, теперь самостоятельно, я отпрянула. Он был очень красный и весь в поту. Ножки у него были мокрые, хотя следы, которые он оставлял, уже начали высыхать.

– И ты не схватила его и не обняла, Карла? Не прижала к себе?

– Нет. Я сидела и смотрела на грязные руки Давида. Он крепко держался за край стола, как будто шел по вязкому болоту, и я могла разглядеть его запястья. На запястьях, а также чуть повыше, остались полоски, похожие на браслеты, сделанные, кажется, из тех самых ниток сизаля. “Наверное, это жестоко, – сказала женщина, тоже подходя ко мне и внимательно следя за моей реакцией, как и за следующим шагом Давида, – но надо удостовериться, что уходит одна только душа”. Она погладила его запястья и, словно извиняясь, добавила: “Но тело-то должно остаться”. Она зевнула, и я отметила про себя, что, с тех пор как вернулась на кухню, она

не перестает зевать. По ее словам, зевота – эффект переселения, и точно так же будет зевать Давид, как только окончательно проснется, – надо, чтобы все вышло наружу, надо зевать и при этом разевать рот пошире, “чтобы освободить выход”.

– А что Давид? – спросила я.

– Женщина отодвинула стул, который стоял рядом с моим, и жестом велела Давиду сесть.

– А ты? Неужели так и не прикоснулась к бедному ребенку?

– Потом женщина опять начала наливать чай, а сама все время незаметно на нас поглядывала, следила за тем, как мы встретимся. Давид с трудом вскарабкался на стул, а я не могла заставить себя посадить его. Теперь он сидел и рассматривал свои руки. “Скоро непременно начнет зевать”, – повторила женщина, сама зевая во весь рот и прикрывая его рукой. Она тоже села за стол, взяла свой чай, но по-прежнему очень внимательно следила за Давидом. Я спросила, удачно ли все прошло. “Лучше, чем я ожидала”, – ответила она. При переселении ушла и половина яда, яд разделен пополам между двумя телами и уже не так опасен.

– И что это значило?

– Давид, скорее всего, выживет. Как тело Давида, так и Давид в своем новом теле.

Я смотрю на Карлу, и Карла тоже смотрит на меня. У нее сейчас ужасно фальшивая улыбка, прям как у клоуна, но

на миг ее улыбка меня обманывает: я готова поверить, будто только что рассказанная история была всего лишь очень длинной и очень неудачной шуткой. Но она добавляет:

– Так что это и есть мой новый Давид. Это чудовище и есть мой Давид.

– Карла, не сердись, но мне надо пойти взглянуть, чем там занимается Нина.

Она кивает и снова смотрит на свои руки, лежащие на руле. Я поворачиваюсь к дверце, собираясь выйти из машины, однако Карла, судя по всему, и не думает последовать моему примеру. Несколько секунд я сижу в нерешительности, но ничего не происходит, и тогда меня охватывает настоящая тревога за Нину. Как измерить дистанцию спасения, если я не знаю, где сейчас находится моя дочь? Я выхожу из машины и спешу к дому. Дует легкий ветерок, чувствую, как он пробегает по спине и по влажным после долгого сидения в машине ногам. И тут же через окно вижу Нину, вижу, как она толкает сзади кресло, двигая его из гостиной в кухню. Все в порядке, думаю я, но назад не иду. Все в порядке. Поднимаюсь по трем ступенькам на галерею, открываю дверь, затянутую москитной сеткой, вхожу в дом и закрываю дверь за собой. Закрываю на задвижку, потому что делаю так всегда, и это получается у меня уже машинально. Потом, уткнувшись лбом в москитную сетку, долго смотрю на машину, на рыжий пучок, который слегка возвышается над спинкой кресла. Я боюсь пропустить любое движение Карлы.

Она назвала тебя чудовищем, и теперь я думаю еще и об этом. Наверное, очень грустно быть таким, каким ты стал теперь, что бы это ни значило, и грустно, что твоя мама называет тебя чудовищем.

Ты ошибаешься, и это портит всю историю. Я самый нормальный мальчик.

Нет, Давид, ничего нормального тут и в помине нет. Вокруг сплошной мрак, а ты шепчешь мне что-то на ухо. Я даже не знаю, на самом деле это все происходит или нет.

Это происходит, Аманда, происходит на самом деле. Я стою на коленях рядом с твоей кроватью, мы находимся в палате пункта скорой помощи. У нас мало времени, и пока время не вышло совсем, надо отыскать точное место.

А Нина? Если все это происходит на самом деле, где Нина? Господи, где же Нина?

Это не важно.

Только одно это и важно.

Не важно.

Хватит, Давид, я не хочу продолжать.

Если мы не двинемся дальше, мне незачем будет сидеть рядом с тобой. Я уйду, и ты останешься одна.

Нет, пожалуйста, не уходи.

Ладно, так что же происходит в саду теперь? Ты стоишь в доме за дверью, прижавшись лбом к москитной сетке.

Да.

Ну а что дальше?

Рыжий пучок Карлы едва заметно двигается над спинкой кресла, как будто она озирается по сторонам.

Что еще? Что еще происходит в тот же самый миг?

Я перемещаю вес своего тела с одной ноги на другую.

Почему?

Потому что так мне легче стоять, потому что в последнее время я чувствую, что с большим трудом держусь на ногах. Как-то я даже пожаловалась мужу, а он ответил, что, по всей видимости, у меня легкая депрессия, но это было еще до рождения Нины. Сейчас я чувствую то же самое, правда, теперь это совсем не так важно. Просто я немного устала, говорю я себе, и порой меня пугает мысль, что из-за этого мне будет чуть труднее справляться с повседневными проблемами, чем остальным людям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.